

Случись подобное с обычным человеком, он бы наверняка сгорел со стыда. Скрывая свои чувства от посторонних, он бы лишь втайне клял себя последними словами:

«Какое бесстыдство! Какое позорище! Что ты за скотина такая, раз возжелал незнакомого мужчину? Смерти тебе мало за такие помыслы!»

Цзи Линьси же, напротив, едва удерживался от того, чтобы броситься вперёд, сжать в своих ладонях тонкие, как у небожителя, руки этого прекрасного господина и, приняв самый пылкий вид, прошептать:

«Звать меня Цзи Линьси. А как ваше имя, о прекрасный цветок?»

Он застыл как вкопанный, окончательно растеряв образ «молодого и рассудительного даоса». Сейчас он больше походил на жабу, которая во все глаза уставилась на белого лебедя. К несчастью, удача была не на его стороне: распухший красный лоб и нарочито простое, неприметное лицо в сочетании с поношенным халатом делали его фигуру жалкой и никчёмной.

Должно быть, он смотрел слишком жадно, потому что спутник в чёрном — статный мечник, стоявший по другую руку от красавца, — одарил его ледяным, предостерегающим взглядом. В этом взоре читалась такая тяжёлая, подавляющая мощь, что юноша мгновенно протрезвел и машинально вытер рот ладонью.

К счастью, губы оказались сухими.

Он ещё раз украдкой глянул на ослепительного незнакомца. Будь его воля — и не окажись рядом ищеек господина Вана, — он бы непременно подошёл и завязал разговор. Какая досада! Какая потеря!

В душе он сделал ещё одну пометку в «счёт» семейства Ван, решив выудить из них побольше денег. Теперь он был даже не прочь исполнить обещание, данное Чангую, и отдать тому пятую часть сверх уговоренного — просто чтобы почувствовать себя благодетелем.

Спустя мгновение даос окончательно взял себя в руки. По крайней мере, когда слуги Вана, также пребывавшие в оцепенении, наконец очнулись, перед ними снова стоял невозмутимый, чуждый мирским соблазнам мастер.

Юноша уже подошёл к прилавку. Когда он заговорил, его голос прозвучал чисто и мелодично, подобно звону драгоценных камней, и затмил даже тихий перестук нефритовых подвесок на его поясе.

— Хозяин, прошу вас, подберите мне лучшие снадобья от простуды.

Голос был холодным, но мягким; от него веяло едва уловимой свежестью утреннего тумана, которая проникала под кожу и проясняла рассудок.

Линьси, делая вид, что не замечает незнакомца, отошёл в сторону и принялся с очень серьёзным лицом изучать выставленные на полках травы. Он читал немало старинных книг, а когда в былые времена не хватало денег на лечение, сам собирал корни в лесах. Его сосредоточенный вид мог обмануть кого угодно — он выглядел как настоящий знаток.

Заметив знакомые и качественные корни, он велел сопровождающему отложить их.

В воздухе разлился тонкий, необъяснимый аромат. Даос не мог подобрать слов, чтобы описать его: стоило лишь вдохнуть, как по телу разлилась нега. Он едва заметно повёл носом, понимая, что этот запах исходит от прекрасного господина. Так, должно быть, пахнут лишь небожители. Никогда в жизни ему не встречалось подобного аромата — глубокого, насыщенного, но ничуть не приторного. Он кружил голову, заставляя забыть обо всём на свете и желать лишь одного — следовать за его обладателем на край света.

Его кадык дёрнулся. Он наострил уши, надеясь услышать хоть что-то об этом человеке: где он живёт, из какой семьи, как его имя.

Однако ни суетливый слуга, ни суровый мечник не проронили ни слова с тех пор, как вошли в лавку. Неизвестность терзала его, словно кошки скребли по сердцу.

Вскоре хозяин лавки сам вынес лекарства и разложил их на столе.

— Господин, это лучшие травы от простуды, что у нас есть. Взгляните сами, что вам подходит. Или же опишите симптомы больного, и я сам составлю сбор.

Стоявший рядом широкоплечий мечник негромко произнёс:

— Позвольте мне, господин.

Несмотря на внешнюю почтительность, в осанке воина чувствовалась спесь и властность, не присущие простым людям. Стало ясно: статус ослепительного юноши был неизмеримо выше.

Даос сглотнул слюну. Его буквально лихорадило от желания, но он продолжал притворяться равнодушным, хотя украдкой косился на незнакомца.

Вид его волос заставлял сердце трепетать. Очертания щёк будили томление. А когда взгляд падал на губы, он и вовсе терял покой.

«Как может человек быть столь совершенным? — думал он. — Будто сошёл с картины... Нет,

красивее любого полотна».

На мечника, то и дело заслонявшего собой обзор, Линьси мысленно сплюнул.

«Мешается тут... Вечно лезет под руку, глаза бы мои его не видели».

Прекрасный господин не задержался в лавке надолго. Как только мечник забрал лекарства и расплатился серебром, вся компания покинула заведение. Перед самым выходом слуга услужливо приподнял полог над дверью, словно боясь, что грубая ткань может хоть краем коснуться его господина.

Он почувствовал себя героем из старинных преданий о лисах-оборотнях: казалось, его душа покинула тело и устремилась вслед за этим «прекрасным видением».

— Даос Чу...

— Даос Чу!

— Мастер Чу!

Тот вздрогнул и пришёл в себя.

— А?

— Я звал вас несколько раз, но вы не откликались, — заметил слуга Ванов.

Даос стоял как громом поражённый, всё ещё сжимая в руках какую-то травку. Сопровождающий и подумать не мог, что причиной тому был только что ушедший господин.

Цзи Линьси кашлянул и небрежно отложил корень на место.

— Задумался о делах насущных, — пояснил он. — Что ж, возьмём эти лекарства, остальное не нужно.

Слуга расплатился, и они вдвоём вышли из лавки. Едва оказавшись на улице, он жадно огляделся, пытаясь отыскать взглядом удаляющуюся фигуру, но того уже и след простыл.

«О, есть прекрасный лик... Увидев раз, вовек мне не забыть».

В этот миг он умудрился выудить из нагромождения своих сомнительных познаний эту чистую,

подобно лотосу, поэтическую строчку. По дороге обратно в поместье, несмотря на зимнюю стужу, его тело пылало, точно в лихорадке.

Суждено ли им встретиться вновь? Если это случится, он непременно узнает, чей это сын и где его дом. Он станет копить деньги, чтобы собрать достойные дары и прийти в те покои со сватами.

А то, что они оба мужчины, его сейчас волновало меньше всего.

Он до безумия возжелал это тело. Он был низок и не стыдился этого.

У порога аптеки «прекрасный господин», ставший предметом «любви с первого взгляда», поднялся в карету. Внутри теплилась жаровня, и было куда уютнее, чем на пронзительном ветру. Стоило ему снять лисью шубу, как евнух Чэнь почтительно принял её в свои руки.

Старый слуга расплылся в улыбке:

— Если второй молодой господин Шэнь узнает, что Ваше Высочество лично изволили отправиться за лекарствами для него, он будет тронут до глубины души.

Чу Юй опустил веки и отозвался с безразличием:

— Второй молодой господин Шэнь — будущая опора нашего государства. Если он болен, это печалит и батюшку-императора, и господина Шэня. Купить немного трав — дело пустяковое, о нём не стоит и упоминать.

Он помолчал и добавил:

— И не вздумай говорить об этом самому Шэнь Вэньчжи.

Евнух Чэнь на миг опешил, но тут же покорно склонил голову.

Второй сын семьи Шэнь был болезненным: он не выносил ни жары, ни холода и то и дело слегал с очередным недугом. Однако при всей своей слабости он обладал выдающимся умом. Одарённый от природы, в шесть лет он уже писал блестящие эссе, а к десяти годам слагал стихи и оды, которые передавались из уст в уста. Позже он оставил поэзию ради трудов по государственному управлению, над чем многие поначалу посмеивались. Но когда две из семи его стратегий были приняты самим императором и воплощены в жизнь, злопыхатели умолкли.

Разумеется, такого человека следовало привлечь на свою сторону, тем более что он был сыном Великого наставника. Вот только этот Шэнь Вэньчжи почему-то держался с Его Высочеством крайне отстранённо. Евнух Чэнь надеялся, что этот случай поможет им сблизиться — таков был и наказ императрицы, — но наследный принц, похоже, решил иначе.

Чу Юй приоткрыл окно, впуская в карету струю свежего воздуха. Его глаза, прозрачные и холодные, как полированное стекло, заскользили по суетящейся толпе. Карета тронулась. Проезжая мимо аптеки, он мельком увидел стоявшего у входа бедного даоса в запylённой одежде и с багровой шишкой на лбу.

Принц на мгновение задержал на нём взгляд, после чего едва заметно нахмурился, задернул занавеску и отвернулся.

— Как вернёмся на постоянный двор, пришли ко мне Юньшэна.

<http://bllate.org/book/15344/1372714>